

Остафьевский затворник

В. Новиков

Н. М. Карамзин

«В семи верстах от уездного города Подольска Московской губернии, недалеко от старой калужской дороги...»

Я начал свой очерк этой обрывочной фразой из дореволюционного путеводителя по Подмоскovie. Он случайно попал мне в руки в пятом или шестом классе. Далее я прочитал в маленькой и корявой статейке: ...Остафьево ...Русский Парнас ...Пушкин, Карамзин, Жуковский, Вяземский. Никто не смог бы остаться равнодушным к такому блестящему созвездию имен. С той поры я и увлекся этим удивительным уголком России.

В Остафьево надо побывать не один раз. Там все полно обаяния пушкинской эпохи. Великолепный двухэтажный палатко с шестьюколонным коринфским портиком державно стоит над широкой гладью усадебного пруда. За дворцом — старый парк; среди вековых деревьев нет ни увеселительных скульптур, ни беседок. Вместо них памятники тем, кто сделал Остафьево знаменитым.

Рассказывать о старинной усадьбе — прежде всего рассказывать о людях,

которые там когда-то жили. Волею судьбы здесь была написана первая великая книга новой русской литературы. Я имею в виду «Историю государства Российского» Карамзина. Поэтому-то Остафьево на карте нашей культуры занимает место рядом с Михайловским и Ясной Поляной.

В XIX веке Остафьево принадлежало Петру Андреевичу Вяземскому — блестящему поэту пушкинской плеяды. Русский Парнас — такую славу оно приобрело в то время. Но создателем художественного ансамбля усадьбы был отец поэта — князь Андрей Иванович Вяземский. Он же дал первоначальный импульс богатой умственной жизни Остафьева.

Князь Андрей Иванович Вяземский был одной из самых интересных фигур в синклите русских вольтерьянцев. Его жизненный путь до некоторой степени напоминает перипетии карьеры старика Болконского из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Свои служебные неудачи он так объяснил в письме императору Павлу I: «Природа влила в душу мою непреодолимое омерзение от кривых дорог». Блестяще образованный, остроумный и горячий, князь Андрей Иванович был звездой первой величины на московском общественном горизонте. Он собрал вокруг себя интеллектуальную элиту первопрестольной столицы. Уже во второй половине XIX в. маститый поэт Петр Андреевич Вяземский вспоминает о своем отце: «...Гостеприимный собиратель Московской земли; в течение многих лет дом его был сборным местом всех именитостей умственных, всех любезностей обоего пола». Духовные интересы Вяземского-старшего определялись французскими энциклопедистами. Он ежегодно выписывал из Франции большие партии книг, прежде всего исторических и философских. Его библиотека была одной из самых обширных в Москве. Недаром в памяти сына он запечатлелся целые дни сидящим с книгой в большом, обитом зеленым сафьяном кресле у камина. Мальчик не знал фамусовской Москвы; для него существовала другая — «образованная, умственной и нравственной жизнью жившая Москва».

Приобретение Остафьева связано с

Остафьево.
Главный
усадебный дом

женитьбой стареющего князя Вяземского на жизнерадостной ирландке Евгении О'Рейли, которую он встретил во время одного из своих зарубежных вояжей, увез от мужа в Россию и с большими трудами добился для нее развода. (Она и стала матерью будущего поэта.) Мезальянс рассорил его с родственниками. В пику им князь Андрей Иванович продал наследственное имение Удино под Дмитровом и взамен купил Остафьево. Не терпевший праздности, он сразу же энергично приступил к переустройству усадьбы. Есть все основания считать, что ему удалось привлечь одного из крупнейших архитекторов того времени — Старова, кстати, много строившего в Подмосковье. Хотя документально это не подтверждается, но остафьевский палаццо несет на себе характерные черты художественного почерка знаменитого зодчего.

Князь Андрей Иванович Вяземский был одним из последних титулованных меценатов, какими богат XVIII век. Не написавший ни строчки, он тем не менее занимает свое место в истории русской литературы, во-первых, как наставник собственного сына и, во-вторых (и в главных), как друг и покровитель Карамзина. Великий писатель и историк породнился с Вяземским, женившись в 1804 году на его старшей дочери (от первого брака) Екатерине. После же его смерти в 1807 году Карамзин на несколько лет становится фактическим хозяином Остафьева.

«Остафьево достопамятно для моего сердца: мы там наслаждались всей при-

ятностью жизни, не мало и грустили; там текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства, в тишине страстей мятежных...» — такими прочувствованными словами почитал великий писатель место своего творческого уединения. Двенадцать лет «остафьевского затворничества» (с 1804 по 1816 г.) он посвятил главному «труду жизни». День за днем он внимательно шлифовал каждую фразу, подчинив себя самому жесткому режиму. Великие произведения требуют великих трудов!

Брак Карамзина был неожиданным и наделал в Москве много шума — ведь невеста обладала изрядным приданым, а жених фактически жил лишь литературным заработком. Но если брак и был по расчету, то он оказался на редкость счастливым. По семейному преданию, во время тяжелой болезни своей первой жены Карамзин усталый заснул на диване и увидел странный сон: он стоит у вырытой могилы, напротив него — Екатерина Вяземская, протягивающая ему через могилу руку. Смерть действительно посетила его дом. В горестях и заботах вдовца Карамзин быстро забыл о своем сне, но как бы то ни было через два года он в самом деле женился на старшей Вяземской.

Петр Андреевич Вяземский с юмором вспоминает, что свадьба была встречена остальными детьми без всякого энтузиазма: «Сестра моя, старшая меня тремя годами, и я были вовсе не довольны водворением Карамзина в наше

семейство. В нас таилась глухая оппозиция против этого брака: детские сочувствия наши были на стороне армейского майора, помнится, Струкова, который был несчастным соперником Карамзина. Он был к нам внимателен и ласков; вероятно, он заискивал наш союз ценой субсидий: гостинцами и конфетами. Карамзин не обращал внимания на союзников. Забавно, что когда брак был уже решен, мы с сестрой изливали грусть свою стихами самого Карамзина. Вечером ходили мы по длинному коридору и вполголоса, с сжатым сердцем и слезами на глазах от лица Струкова мурлыкали:

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя.
Увы! насильно милым
Не будешь никому...

Таким образом, вооружились мы против Карамзина собственным его оружием. Но у нас, детей, велись с ним и другие счёты, и по другой причине грызлись у нас зубы на него: именно зубы. В те редкие вечера, когда салоны наши не переполнялись посетителями, а было два-три человека, иногда и никого, отец оставлял нас, детей, ужинать с собою, обыкновенно в одиннадцатом часу. Понятно, что эти дни дорого ценились нами. Не знаю, по какому случаю и по каким соображениям Карамзин бывал гостем нашим именно в эти исключитель-

ные дни. Отец был великий устный следователь по вопросам метафизическим и политическим... Беседы и прения его с Карамзиным длились без конца. В ожидании вожделенного ужина мы дремали в соседней комнате, а ужин был все отлажен позднее и позднее... Эти домашние запоздалые ужины худо располагали нас к Карамзину. Мы детским чутьем угадывали, что отец не разговорился бы так долго с майором Струковым. Поэтому губернёр мой француз Дандилли прозвал Карамзина *monsieur minuit et demi* (господин полуночник.— В. Н.); долго в детской нашей ходил он под этим прозвищем. Впрочем, кажется, он несколько задобрил меня, подарив первые часы, которыми пришлось мне щеголять. «Для молодого человека всегда нужнее уметь узнать время»,— сказал он, вручая мне свой подарок.

Было время, когда Карамзин как художник казался устарелым. Но «Бедная Лиза» уже почти двести лет переиздается и переиздается. Ныне переживают свое возрождение и «Письма русского путешественника». Как по волшебству, они попали в планы почти всех крупных наших издательств. Кажется, что сегодняшней читатель впервые по-настоящему открыл для себя эту книгу.

«Письма русского путешественника» обладают нестареющим обаянием, и тайна его — в самой личности Карамзина. О своем путешествии рассказывает умный, доброжелательный, любознатель-

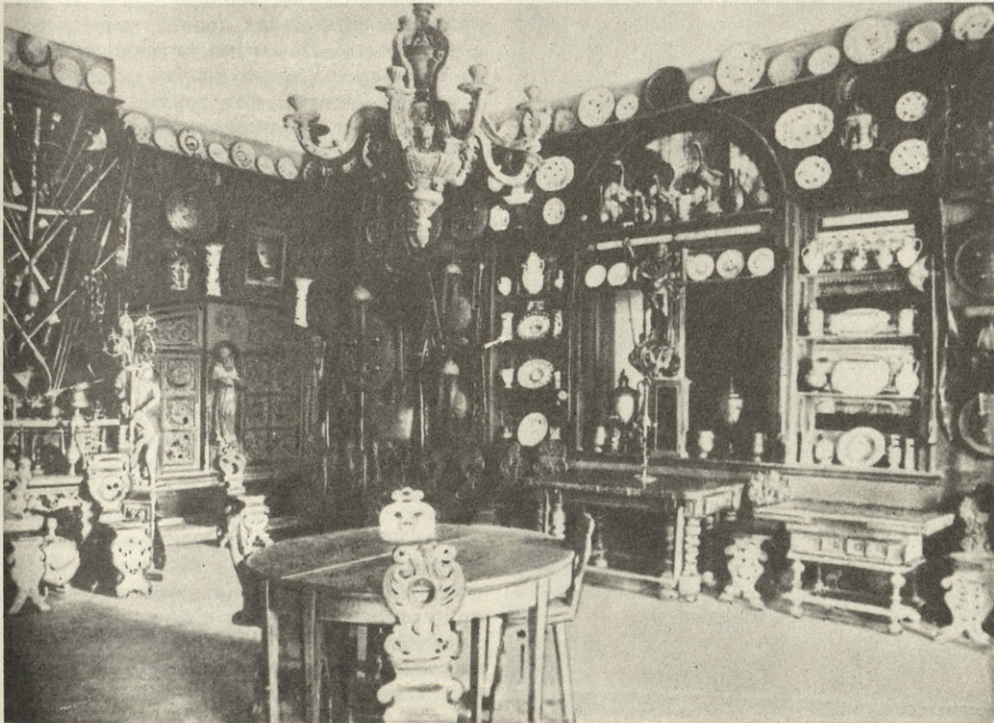
Главный
усадебный дом
Карамзинская
комната. Фото
1907 г.

ный человек. Нигде Карамзин так полно не раскрывает себя. Недаром он назвал эти дорожные письма «зеркалом собственной души». Карамзин внимательно наблюдает пеструю и бурную жизнь Европы. Кажется, он вездесущ. В Париже он успевает побывать и в театрах, и в философских салонах и даже послушать Мирабо в Национальном собрании. Но Карамзин никогда не забывает, что он — русский. Наоборот, мысли о России, о ее грандиозном прошлом, становятся все навязчивее и навязчивее. Подспудно зреет великий замысел: «Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна; не думаю: нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить, и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужеземцев». Несколькими строками ниже: «У нас был свой Карл Великий — Владимир, свой Лудовик XI — царь Иоани, свой Кромвель — Годунов, и еще такой государь, которому нигде не было подобных — Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело». Сегодня мы можем целиком обозреть писательский путь Карамзина, и ясно: прямая нить тянется от его испове-

дальных писем к «Истории государства Российского».

«История государства Российского» завершает XVIII век в русской литературе — период поисков и брожений. Одновременно эта книга начинается и XIX век — период расцвета. В своем главном труде, по словам Пушкина, «Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова». Карамзин поставил своей целью создать первую по-настоящему народную книгу. «Что Библия для христиан, то История для народов», — занес он в свою записную книжку. Конечно, «исходный тезис» Карамзина — «необходимость самовластия» — давно уже опровергнут самим временем. Оценки, которые историк дал деятелям прошлого, стали общезначимыми. Они вошли в наш духовный мир, как нечто неподверженное сомнению, и уже мало кто связывает их с именем Карамзина. Нужны ли другие доказательства подлинной народности его «Истории»?

Карамзин адресовал свой труд самым широким народным кругам. «Я писал для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметьева» (из письма Дмитриеву). Его «История» действительно проникла в самую гущу народную. Первые восемь томов разошлись неслыханным для того времени тиражом 3000 экз. (средний тираж начала XIX в. был 1200 экз.).

Главный
усадебный дом
Столовая. Фото
конца XIX в.

Вяземский вспоминал, что бурмистр одной из его деревень вымалывал карамзинскую «Историю» как «гостинец». В ту эпоху, когда о прошлом судили лишь по преданиям, появление «Истории государства Российского» явилось подлинным «открытием отечества». Русский человек взглянул на себя другими глазами; он впервые постиг свой великий и мучительный исторический опыт. Современникам казалось, что Карамзин «спас Русь от забвения». Его не раз сравнивали с Кутузовым — победителем Наполеона.

В Остафьеве Карамзин накануне Отечественной войны 1812 года написал «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», в которой он подытожил собственные многолетние размышления о российской действительности. Если своими литературными трудами Карамзин получил народное признание, то в ежедневном общении с тем же народом он открыл для себя много тревожных симптомов. Русский писатель, по крылатому выражению Полонского, «есть нерв великого народа»; ему дано остро чувствовать биение пульса времени. Как объективный историк, Карамзин констатировал, что между правящим классом России и народом пролегла пропасть. Причину он видит в петровских реформах, которые, по его мнению, коснулись только дворянства, не затронув подлин-

ных основ народной жизни. С той поры нация разделилась на европеизированное меньшинство и тщательно оберегающее старинный уклад большинство; другими словами, крестьянин, городской мещанин, купец были единодушны в своем воззрении на дворян, как на «немцев». Подобные взгляды Карамзина свидетельствуют о кризисе идеалов русского дворянского просветительства. Просвященный дворянин мечтал видеть свою усадьбу культурным центром округа. Таким должно было бы явиться и Остафьево. Но ничего подобного не произошло; крестьянин инстинктивно не доверял и сопротивлялся начинаниям, исходившим из усадьбы. Иллюзии о классовой гармонии в феодальной империи рассеялись как дым, и Карамзин был вынужден признать очевидное.

Интересно отметить, что в своих разысканиях Карамзин не забыл Остафьева. Первое упоминание об Остафьеве он нашел в духовной Ивана Калиты, помеченной 1340 г. В «Истории государства Российского» читаем: «Иоани, сверх Коломны и Можайска, отдал Симеону... село Остафьевское». Затем следует духовная Дмитрия Донского (около 1371 г.): «...А из московских сел даю своей княгине Семницкое село с Ходынскою мельницею, да Остафьевское село, да Илмовское...» Правда — это все. Дальше следы Остафьева теряются.

Карамзин сам говорил, что, начав работу над «Историей государства Российского», он принял монашеский постриг. Весь строй жизни в Остафьеве был подчинен его главному труду. Вяземский так описывает день остафьевского затворника: «Карамзин вставал обыкновенно часу в 9 утра, тотчас после делал прогулку пешком или верхом во всякое время года и во всякую погоду. Прогулка продолжалась час. Возвратясь с прогулки, завтракал он с семейством, выкуривал трубку табаку и тотчас после уходил в свой кабинет и садился за работу вплоть до самого обеда, т. е. до 3-х или 4-х часов. Помню одно время, когда он, еще при отце моем, с нами даже не обедал, а обедал часом позднее, чтобы иметь более часом для своих занятий. Это было в первый год, что он принялся за Историю. Во время работы отдохновения у него не было, и утро его исключительно принадлежало Истории и было ненарушимо и неприкосновенно. В эти часы ничто так не сердило и не огорчало его, как посещение, от которого он не мог избавиться. Но эти посещения были очень редки. В кабинете жена его часто сживалась за работой или за книгою, а дети играли, а иногда и шумели. Он, бывало, взглянет на них, улыбаясь, скажет слово и опять примется писать».

Остафьево.
Памятник
Н. М. Карамзину.
Архитектор
Н. З. Панов.
1911 г.

В другом месте Вяземский колоритно описывает жизненные привычки Карамзина: «Карамзин был очень воздержан в еде и в питии. Впрочем, таковым был он и во всем, в жизни материальной и умственной: он ни в какие крайности не вдавался; у него была во всем своя прирожденная диетика... За обедом начинал он с вареного риса, которого тарелка стояла всегда у прибора его, и часто смешивал он рис с супом. За обедом выпивал он рюмку портвейна и стакан пива, а стакан этот был выделан из дерева горькой квасии. Вечером около 12 часов съедал он непременно два печеных яблока. Весь этот порядок соблюдался строго и нерушимо и преимущественно с гигиенической целью: он берег здоровье свое и наблюдал за ним не из одного опасения болезней и страданий, а как за орудием, необходимым для беспрепятственного и свободного труда... Но как никогда не писал наобум, так и есть наобум не любил. В этом отношении был он взыскателен. У него был свой слог и в пище: нужны были припасы свежие, здоровые, как можно более естественно приготовленные. Неоприятности, неряшества, безвкусыя не терпел он ни в чем».

Перо талантливо мемуариста нарисовало удивительно яркий образ. Кажется, ни убавить, ни прибавить. Но может создаться неверное впечатление, что Карамзин всегда был человеком, педантично следовавшим правилам жизни, которые он сам себе прописал. Это не так. До своего «монашеского пострига» Карамзин был желанным гостем в московских гостиных. Всегда веселый и остроумный, он быстро подчинял окружающих своему обаянию. Обходительным и добрым обращением он сразу же ставил своего собеседника с собою на равных, и тот мгновенно забывал, что разговаривает со знаменитым писателем и глубокомысленным ученым. В авторе «Бедной Лизы» не было и тени самоуглубленного меланхолика. Он любил шумные споры, в которых собеседники поражали бы друг друга блеском ума и широтой знаний. Стоит оценить, с какой неумолимой последовательностью Карамзин отказался от многолетних привычек. Погрузившись в прошлое, он начал избегать общества, а ведь раньше оно было для него острой потребностью. Он стал рассматривать себя как одухотворенный механизм, который природа сотворила исключительно для «Истории».

По семейному преданию, Карамзин любил гулять в старой березовой роще за усадебным парком; поэтому на протяжении всего прошлого века ее так и называли — карамзинская роща. Кабинет историка находился на втором этаже, окном в парк. «Служенье муз не терпит

Флигель
усадебного дома

суеты» — и современников и потомков поражала аскетическая обстановка, в которой творил Карамзин. Комната его долгое время оставалась в неприкосновенности. Известно описание Погодина, посетившего Остафьево в 1845 г. Он нашел в убежище великого труженика голые штукатуренные стены, выращенные белой краской; у окна — большой сосновый стол, ничем не прикрытый, около него деревянный стул. На козлах с досками у противоположной стены были разложены в беспорядке рукописи, книги, тетради и просто бумаги. В комнате было мало мебели — ни шкафа, ни этажерки, ни попирта, ни кресла. Лишь в углу стояли как попало несколько ветхих стульев. Поистине ничего лишнего, все только для работы. Удалена любая мелочь, которая могла бы отвлечь или рассеять внимание. Одним словом — благородная простота.

В начале 1816 года Карамзин выехал в Петербург. Поездка была вынужденной в связи с многочисленными хлопотами по поводу печатания первых восьми томов «Истории государства Российского». Спервоначала Карамзин рассматривал свое пребывание в Петербурге как временное и мечтал о возвращении в Москву; но оно затянулось на десять лет до самой смерти историка. В Остафьево больше он никогда не был. Там же все оставалось полным воспоминаниями о благородной жизни великого затворника. Разрослась белоствольная карамзинская роща. В 1911 году прямо под окнами кабинета Карамзина был воздвигнут памятник — невысокая гранитная тумба с его барельефом. Сверху лежат восемь написанных в Остафьево томов «Истории государства Российского» и свиток девятого — начатого здесь.